

имеет первоочередное значение для дальнейшей успешной работы над подготавливаемой академической грамматикой: отношение морфологии и синтаксиса; проблема синтагмы; проблема членов предложения и их определение; вопросы сложного предложения и, наконец, вопросы контекстуального членения предложения.

Более подробно эти проблемы рассматривались в отдельных содокладах. Так, вопросы синтаксиса в связи со средствами синтаксического выражения были разобраны в содокладах Фр. Д а н е ш а (Прага) «Что такое синтаксис?», доц. Фр. К о п е ч н о г о (Брно) «Синтаксическая форма», М. М а р с и н о в о й «Грамматическая форма» и Я. Г о р е ц к о г о «Грамматический порядок слов». Проблематика синтагмы была затронута в содокладах М. У р б а н ч о к а «Деепричастные обороты» и Ш. О н д р у ш а «Сочетания с модальными выражениями». Большое внимание было уделено вопросу о членах предложения. Он был освещен в основном докладе и получил свое интересное теоретическое обоснование в содокладе К. Г а у с е н б л а с а (Прага) «К теории членов предложения». Я. О р а в е ц прочел содоклад «Разграничение членов предложения» (о границах между обстоятельством и дополнением); проблема сказуемого была изложена Р. М р а з к о м (Брно) в содокладе «О сказуемом»; интересный и до сих пор недостаточно изученный в словацкой грамматике вопрос затронул Я. С в е т л и к в содокладе «Второе сказуемое». Последним было выступление Фр. М и к о «Определение в родителном надеже».

В дальнейшей своей работе конференция обсуждала проблематику сложного предложения. О классификации сложного предложения говорил доц. Я. Б а у е р (Брно). Л. Д в о н ч прочел содоклад на тему «О сложных предложениях усложненного типа». На повестку дня были поставлены также вопросы грамматических категорий и частей речи. Из трех предусмотренных сообщений было заслушано только сообщение Г. Г о р а к а «Категории времени и наклонения». Работы Й. М и с т р и к а «Частицы» и Ш. П е ц и а р а «К вопросу о классификации наречий» остались непрочитанными. В прениях приняли участие акад. Фр. Т р а в н и ч е к, проф. А. В. И с а ч е н к о, Ш. П е д и а р, доц. Л. Д ю р о в и ч, доц. В. Б л а н а р, доц. Е. Й о н а, проф. Н. С. П о с н е л о в, проф. З. К л е м е н с е в и ч, проф. Б. М е р и д ж и и многие другие. Проф. Н. С. Поспелов выступил также с докладом на тему «К вопросу о структуре сложноподчиненного предложения». Материалы конференции будут напечатаны в отдельном сборнике.

Г. Балаж

КОНФЕРЕНЦИЯ В БРАТИСЛАВЕ

(впечатления участника)

По приглашению Института словацкого языка Словацкой академии наук я принимал участие в работе конференции по вопросам синтаксиса словацкого языка. Конференция, прошедшая на высоком теоретическом уровне, отличалась прежде всего тем, что все ее участники обращали особое внимание на спорные и до сих пор недостаточно разработанные вопросы синтаксиса, стремясь многое разрешить по-новому. Это в значительной мере стимулировало работу, начатую Институтом словацкого языка, над проблемами словацкого синтаксиса, в равной мере значительными и важными для синтаксиса других славянских языков. Отмечая атмосферу плодотворной и горячей дискуссии, бывшей на конференции, мне хотелось бы как ее участнику передать свои впечатления и выделить некоторые спорные вопросы, полагая, что дальнейшая дискуссия по ним может быть полезной.

Широкая дискуссия развернулась на конференции по программному докладу доц. Й. Р у ж и ч к и «Спорные вопросы синтаксиса словацкого языка». В докладе были поставлены вопросы: о границах между морфологией и синтаксисом, о синтагме как устойчивом (*usté leným*) способе выражения сочетания языковых единиц на основе определенного отношения и о типах синтагм, о принципах выделения и разграничения членов предложения с точки зрения синтагматики, о синтагматическом подходе к членению сложного предложения, о расчлененности предложений в контексте. По мнению докладчика, в синтаксисе должны рассматриваться только сочетания слов в их грамматической оформленности (*Tvarov*), и с этой точки зрения выражения типа *chciel' hovoriť* «хотеть говорить» или *je upratané (mam upratané)* «убрано» — не формы, а сочетания слов и относятся к синтаксису, а не к морфологии. При такой постановке вопроса о разграничении морфологии и синтаксиса не учитывается в полной мере наличие в языке слоя промежуточных явлений «морфологического синтаксиса» — конструктивных единиц, возникающих в процессе построения предложения и не сводимых к синтагматическим сочетаниям слов.

В тезисах доклада Й. Ружички на основе противопоставления детерминации как выражения гипотаксиса и координации как выражения паратаксиса были намечены пять типов детерминативных синтагм в соответствии с пятью типами выражаемых ими

отношений: 1) собственно-детерминативная синтагма, выражающая определительное отношение; 2) предикативная синтагма, выражающая отношение, формирующее предложение (*vetný vzťah*); 3) объектная синтагма, выражающая дополнительное отношение; 4) адвербиальная синтагма, выражающая обстоятельственное отношение и 5) взаимнообратимая (*reciprocná*) синтагма, выражающая взаимноопределяющее отношение, как это, например, имеет место в сочетаниях между вспомогательными глаголами и инфинитивом. Хотелось бы отметить, однако, что в своем докладе, в отличие от тезисов, И. Ружичка вывел предикативную синтагму из ряда прочих синтагм, что лишило его возможности свести предикативные отношения (*vetný vzťah*) к отношениям синтагматическим.

В освещении проблемы членов предложения И. Ружичка, отказываясь от традиционного учения об изолированных членах предложения, стремился вскрыть синтаксические различия между членами предложения на основе синтагматики, предлагая, например, признать наличие в словацком языке генитивного подлежащего и рассматривать *doplnok* как второе сказуемое. Однако на почве синтагматики едва ли возможно примирить семантический и синтаксический подход к анализу членов предложения. Что же касается проблемы второстепенных членов предложения, дискутировавшейся на конференции, то, я думаю, что признавая условность традиционной схемы нельзя не обнаружить структурной несоотнесенности между определением, вполне укладывающимся в структуру словосочетания¹, дополнением, всегда тесно связанным с другим, управляющим членом предложения, и обстоятельством, свободно функционирующим в предложении в качестве его члена.

Положив синтагматику и в основу анализа сложного предложения, И. Ружичка выдвинул тезис: «каждое придаточное в составе сложноподчиненного предложения имеет значение члена предложения». В силу этого обычное для чехословацкой научной традиции деление сложноподчиненных предложений на изъяснительные (*obsaňové*) и обстоятельственные (*okolnostné*) и еще более старое разграничение субстантивных, адъективных и адвербиальных сложных предложений принималось только как подсобное. Эта точка зрения, однако, не получила широкого признания на конференции.

В своем докладе «К вопросу о структуре сложноподчиненного предложения» я стремился вскрыть глубокое структурное различие между нерасчлененными («одночленными») и расчлененными («двучленными») конструкциями сложноподчиненного предложения и охарактеризовал присубстантивно-определятельный, местоименно-соотносительный и присказуемостно-изъяснительный структурные типы как «объемлющие» конструкции сложного предложения, как в типических случаях своего построения явления, переходные от простого предложения к сложному. В противоположность «объемлющим» конструкциям, выражающие временные, причинно-следственные, условные и уступительные отношения, характеризуются в типических случаях выражения названных отношений отчетливой двучленностью своего строения, причем вскрывается существенное грамматическое различие между случаями с пре- и постпозицией придаточной части. Классификация сложноподчиненных предложений, выдвинутая в докладе Я. Бауэра, в которой наряду с изъяснительными (*obsaňové*) и восполняющими (*doplnovacie*) выделены в особую группу сложноподчиненные предложения, выражающие обстоятельственные отношения, мне представляется близкой к тому пониманию структуры сложноподчиненного предложения, которое было изложено в моем докладе.

За недостатком места не могу остановиться на других интересных докладах и выступлениях участников конференции. Целая серия глубоко продуманных общетеоретических докладов (Фр. Данеша, Фр. Копечного, М. Марсинавой, Я. Горецкого) и докладов по отдельным вопросам синтаксиса предложения (К. Гаусенбласа, Я. Оравца, Р. Мразка, Я. Светлика, Фр. Мико, Л. Двонча), синтагматики (М. Урбанчика, Ш. Ондруша) и категориального анализа (Г. Горака) были подвергнуты живому обсуждению на конференции. Яркие и содержательные выступления акад. Фр. Травничка (Брно), проф. З. Клеменевича (Краков), проф. А. В. Исаченко (Оломоуц), доц. В. Бланара, доц. Л. Дюровича (Братислава) и других участников дискуссии обеспечили ей тот высокий уровень, который в полной мере соответствовал глубокой разработке вопросов, поставленных в докладах.

Организаторов конференции в Братиславе можно поздравить с большим и заслуженным успехом. Конференция явилась ярким свидетельством активной и плодотворной работы словацких и чешских языковедов. Ее можно считать, несомненно, шагом вперед в вопросах разработки синтаксиса славянских языков.

Н. С. Поспелов

¹ Ср. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I—Морфология, Братислава, 1954, стр. 324 (со ссылкой на гектографированный курс Е. Паулини «*Systém slovenského spisovného jazyka*», II). Ср. также А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 232—233.